DOI: 10.17976/jpps/2023.05.05
EDN: KYSTFW

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: ПОТЕНЦИАЛ КАЗАЧЕСТВА

Е.В. Морозова, И.В. Мирошниченко

МОРОЗОВА Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, email: morozova_e@inbox.ru; **МИРОШНИЧЕНКО Инна Валерьевна**, доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, email: mirinna78@mail.ru

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. 2023. Традиции и инновации в политике развития сельских территорий России: потенциал казачества. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 66-87. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.05. EDN: KYSTFW.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2021 года “Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами” (региональный конкурс), проект № 22-18-20059 “Политика развития сельских территорий Краснодарского края: потенциал нематериальных ресурсов”.

Статья поступила в редакцию: 25.05.2023. Принята к публикации: 27.06.2023

Аннотация. Целью статьи является обоснование роли взаимовлияния традиций и инноваций в развитии сельских территорий. На примере казачества авторы рассматривают практики успешной адаптации традиций к реалиям современности и наращивания на ее основе экономического, социального, политического и символического капитала казачества. Методология исследования выстраивается на использовании концепта ответственного развития, принципов политической субъектности социальных групп, модели сложносоставной идентичности. В качестве эмпирической базы использовались официальные документы, данные ведущих социологических центров, материалы проведенных авторами экспертных сессий. Проанализировав практики казачьей экономики и казачьего образования, авторы выделили механизмы успешной адаптации традиций и продуцирования инноваций. Казачество складывалось в зоне фронтира, контакта различных социокультурных практик, и это сыграло важную роль в формировании его идентичности, поддерживая открытость инновациям. Ценности казачества актуализируются не только на когнитивном и эмоциональном, но и на инструментальном уровне, воплощаясь в моделях поведения. “Ядро” привлекательности казачества для российских граждан составляют традиции, адаптированные к современным реалиям и вызовам. Инклюзивная идентичность казачества – один из ключевых факторов строительства дееспособных местных сообществ – превращается в значимый нематериальный ресурс развития сельских территорий. Сочетание традиций и инноваций усиливает конструктивный потенциал социальных субъектов, выступает не только фактором развития, но и защитным механизмом в условиях рисков и неопределенности.

Ключевые слова: политика развития, традиции, инновации, сельские территории, казачество, идентичность, инклюзивная идентичность.

Введение

Предлагая модели политики развития территорий, их создатели и "конструкторы дорожных карт" обосновывают прежде всего институциональный дизайн программ и проектов и зачастую игнорируют мотивационные факторы. Распространена убежденность в том, что сочетание нормативно-правовых актов, денежных средств и ответственных кадровых решений гарантирует достижение поставленных целей. Однако со временем выясняется, что люди, представляющие целевые группы программы, не только не видят преимуществ реализуемых проектов, но и упорно сопротивляются нововведениям, в то время как эффективность политики развития определяется в первую очередь субъектами социальных и политических изменений.

Социально-политические реалии последних лет, в том числе происходящие на наших глазах тектонические геополитические процессы, выступают в роли мощных акселераторов сельских исследований. Институты публичного управления в странах и регионах мира реагируют на эти изменения пересмотром представлений о развитии сельских территорий, принимаемые стратегические решения о развитии села переносятся с периферийных позиций в центр. К выдвижению села в число стратегических приоритетов побуждают национальный продовольственный суверенитет и проблема дефицита продовольственных ресурсов, опыт массовой миграции городского населения в сельскую местность в период пандемии COVID-19, цифровизация экономических и социальных процессов и ситуация цифрового неравенства, проявляющаяся как на региональном, так и на поселенческом уровне.

Постепенно в научном и политическом дискурсе складывается понимание того, что значение развития села в российском обществе далеко не ограничивается производством аграрной продукции. Село решает стратегические вопросы расселения людей, обеспечивает социальный контроль над территорией, сохраняет исторически освоенные агроландшафты и этнокультурное разнообразие общества, воспроизводит и развивает человеческий капитал [Хагуров 2012]. На заседании Президиума РАН, посвященном исследованиям проблем села, было отмечено, что перед сельскими территориями, помимо основной задачи – накормить страну, стоит цивилизационная миссия – воспроизводство национальной идентичности[1].

В отечественной политологии сельская проблематика в течение длительного времени находилась на периферии исследовательских интересов. Все, что связано с селом, воспринималось "урбанистической" оптикой большинства ученых как атрибут уходящего традиционного общества, изучение которого не будоражит научное воображение политолога. "Цивилизационный процесс виделся и развивался в картинах разрастающихся городов и строящихся заводов, деревня выступала в роли урбанистического 'Другого': с одной стороны, средоточия отсталости, с которой нужно бороться, а с другой – воплощения идиллии, не затронутой разрушительным наступлением прогресса" [Мельникова 2020: 97].

В современной общественной жизни субъекты политического управления ведут интенсивный поиск практик развития села, альтернативных существую-

[1] РАН: причина бедственного положения села – недостаток финансирования. *Regnum*, 23.12.2020. https://regnum.ru/news/innovatio/3148979.html (accessed 24.05.2023).

щим финансово-инфраструктурным моделям. Результаты такого поиска связаны с актуализацией в политике развития территорий ресурсного потенциала негосударственных субъектов, тесно связанных с местными сообществами. К числу таких субъектов относится российское казачество, которое в научном дискурсе рассматривается противоречиво и фрагментарно, в ряде случаев в научных текстах воспроизводятся стереотипы восприятия этой общности на уровне массового сознания через формы и результаты репрезентации казачества в социокультурном пространстве, в том числе в массовой культуре и в СМИ.

Выработка объяснительных моделей политики развития социально-политической субъектности современного казачества связана с решением важной теоретической проблемы адаптации традиционных институтов к условиям современного общества. Взаимовлияние традиций и инноваций позволит усилить позитивный потенциал деятельности казачества, избежать консервации архаики и придаст новый стимул развитию казачьих объединений как субъектов политики развития сельских территорий.

НАУЧНЫЕ ДИСКУРСЫ О ПОЛИТИКЕ РАЗВИТИЯ, СОВРЕМЕННОМ СЕЛЕ И КАЗАЧЕСТВЕ

Научный дискурс о политике развития имеет различные нарративы, общим посылом которых является нелинейное движение, имеющее потенциал вариативности в выработке и реализации уникальных политико-управленческих моделей, ценностных парадигм развития, а также практик преодоления нарастающих вызовов и рисков в период глубокой технологической, социальной и политической трансформации [Пантин 2018; Политические изменения... 2014; Фергюсон 2016]. В западной парадигме политологические дискурсы концентрируются на способностях государства и системы публичного управления обеспечивать институциональные условия для устойчивого развития и сохранения социально-политической стабильности (концепции стрессоустойчивого развития, экологически ориентированного развития, устойчивого и адаптивного государственного управления) [Бардин, Сигачев 2019; de Amorim, de Andrade 2020; Duit 2016]. В отечественной науке политика развития рассматривается через объяснительные модели альтернатив развития, учитывающих многообразие смыслов и измерений социального благополучия [Семененко, Хайнацкая 2022], что связано с актуализацией нематериальных ресурсов [Семененко 2021; Мирошниченко, Морозова 2022].

Проблематика развития сельских территорий во многом определяется смыслами, которые ученые вкладывают в понятие “сельское” (или “негородское”), что во многом обусловливает не только исследовательскую оптику, но и содержание политико-управленческих решений в данной сфере [Hawley et al. 2016; Ray 2001]. Традиционные аналитические рамки, позволяющие оценивать сельское развитие через отраслевые политики (аграрную, социальную, миграционную, туристско-рекреационную, культурную и другие), ограничены в эвристическом потенциале, так как концентрируются на универсальных социально-экономических показателях, не раскрывая политико-управленческое, социокультурное и ценностное содержание политики развития “негородского” образа жизни. Продуктивны теоретические конструкты, рас-

крывающие потенциал нематериальных ресурсов, условия их актуализации как факторов, обеспечивающих рост благосостояния сельских территорий, обустройство негородских пространств и консолидацию местных сообществ [Cloke, Marsden, Mooney 2006; Семененко 2019b; Морозова, Мирошниченко, Семененко 2020].

Проблематика политики развития тесно связана с субъектами социальных изменений, которые являются "носителями" публичных смыслов и ценностей. В качестве значимого субъекта политики развития сельских территорий в политологической литературе рассматриваются местные сообщества. В сельских исследованиях местные сообщества выступают одновременно субъектом, объектом и ресурсом развития территории [Halfacree 1993; Kumpulainen 2019; Lundgren, Johansson 2017], а использование инициатив населения в политике развития – как устойчивые средства для содействия позитивным сельским изменениям [Svendsen 2004; Bock 2016].

Для изучения социальных и политических практик казачества применяются преимущественно междисциплинарные подходы[2]. К корпусу исследователей казачества, ранее состоявшему преимущественно из историков, этнографов и культурологов, присоединились социологи, политологи, социальные философы, экономисты, психологи. Среди наиболее интересных и перспективных для поставленной нами научной проблемы сюжетов – исторический опыт адаптации традиций казачества [Лукаш 2014; Бредихин 2016; Рвачева 2015; Скорик, Бондарев, Матишов 2022], идентичность казачества [Казачество как этносоциальный феномен... 2011; Лукаш, Зуев, Эпоева 2020; Бугай 2019], ценности казачества [Матвеев 2003; Волков, Соклаков 2018; Бакурадзе, Комаров, Похилюк 2022; Соколов, Стовба 2019; Комаров 2018], взаимодействие казачества с государством [Баранов 2018; Рвачева 2019; Капустина (Артамонова) 2018].

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепт "ответственного развития" И.С. Семененко [Семененко 2019a] позволяет оценить потенциал нематериальных ресурсов казачества как социокультурной общности и объяснить вариативность и уникальности его практик. При этом под нематериальными ресурсами понимаются различные компоненты субъективного пространства политики (интеллектуальные ресурсы лидеров и элит, идентичность и политическая культура сообществ, социальные солидарности различного уровня, ценности, моральные установки и мотивационные комплексы субъектов развития), которые интегрируются в политико-управленческие модели взаимодействия политических и социальных акторов.

Объяснительная модель актуализации казачества как субъекта политики развития базируется на теоретических положениях о политической институционализации социальных групп, предложенных И.В. Мирошниченко [Мирошниченко 2006]. Согласно данной теоретической конструкции, включенность индивида в политику осуществляется через: а) практики "повседневности" (индивидуальный уровень включенности, осваиваемый через цен-

[2] Первостепенная важность развития междисциплинарных подходов была отмечена на международном круглом столе "Казачество в истории России XVIII – начала XX в.: новые сюжеты, подходы и методы изучения" в Южном федеральном университете в 2020 г., см. [Юрченко, Арнольд 2020].

ностные установки и поведенческие практики ближнего окружения человека); б) практики социокультурного и политико-культурного позиционирования сообщества, с которым индивид идентифицирует себя и разделяет общие ценности и модели поведения; в) практики институционализированного участия в виде реального субъекта политики (мобилизационная или партисипационная включенность через деятельность организаций, представляющих интересы сообщества).

Идентичность казачества рассматривается в рамках предложенной Е.В. Морозовой модели сложносоставной идентичности, в социокультурных паттернах которой неразрывно слиты две или более разнопорядковые идентификационные характеристики. В отличие от гибридной, или множественной, идентичности, "сложносоставная идентичность способна создавать устойчивые сообщества, которые могут выступать активными акторами политического процесса. Возникновение подобных референтных групп происходило на разных этапах цивилизационного развития, и чаще всего можно выявить исторические корни их формирования" [Морозова 2017: 326].

Роль казачества в политике развития сельских территорий интерпретируется в теоретической рамке "строительства местных сообществ" [Лыска 2013] как отражение новых управленческих практик, с помощью которых моделируются процессы самоорганизации жителей, побуждая их занять позицию субъекта принятия решений важных для сообщества публичных проблем.

Среди эмпирических методов исследования авторы применили экспертные оценки в виде экспертных сессий, традиционный анализ нормативно-правовых актов, регулирующих на уровне РФ деятельность казачьих организаций, анализ материалов СМИ и сайтов, репрезентирующих деятельность казачьих обществ. Метод экспертных сессий представляет собой серию мероприятий, в рамках которых организуется групповое обсуждение экспертами по определенной тематике и вырабатывается позиция в отношении предмета дискуссии. В данном исследовании к участию в пяти экспертных сессиях привлекались группы экспертов из Краснодарского края (всего 118 человек), представляющих следующие категории: атаманы (руководители) районных казачьих обществ (ЭС1); заместители глав муниципальных образований Краснодарского края, сельских территорий традиционного проживания казачества (ЭС2); предприниматели из числа казачьих обществ (ЭС3); наставники и руководители образовательных учреждений казачьей направленности (ЭС4); ученые, специализирующиеся на исследованиях казачества (ЭС5). Экспертные сессии были проведены в ноябре-декабре 2022 г. при поддержке Кубанского казачьего общества, которое обеспечивало рекрутирование экспертов. Для каждой сессии были сформулированы вопросы, позволяющие выявить успешные практики и определить потенциал казачества в развитии сельских территорий. Анализ совокупности эмпирических данных (транскриптов экспертных сессий, нормативно-правовой базы, материалов СМИ и сайтов, материалы социологических исследований, проведенных крупнейшими российскими социологическими службами) строился на принципах качественной методологии и позволил выявить систему традиционных и инновационных институтов развития, агентов и методов социализации, влияющих на формирование субъектной позиции казачества.

В "Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 гг." российское казачество определяется как "исторически сложившаяся на основе взаимодействия русского народа и других народов России социокультурная общность, сформированная в ходе многовекового служения казаков Российскому государству и обществу"[3]. 79,83% граждан, указавших "казак" как свою национальность в ходе переписи населения 2010 г., проживают в Южном федеральном округе. На Юге России сохранились территории компактного проживания казачества. Например, в конце 1980-х годов казачество было преобладающим населением в 17 из 32 районов Волгоградской области [Рвачева 2020].

В России 12 официальных казачьих войск. Только в реестр, т.е. на государственную службу, зачислены около 180 тыс. человек. Эти люди служат в армии, полиции и Росгвардии, участвуют в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, обеспечивают экологическую безопасность, охраняют границу. Но есть еще и общественные казачьи организации. И если подсчитать всех, кто себя причисляет к казакам, учитывая и членов семей, то можно смело говорить о 5 млн человек[4].

Три важнейших компонента жизни казачества – воинский, экономический и социокультурный. Именно их специфика (особый порядок землепользования, система ценностей и военная служба) отличала казачество от других социальных общностей. Исследование ВЦИОМ[5] выявило следующие базовые характеристики казачества: четкое осознание особых функций по обеспечению безопасности – установки на активное участие в деятельности по защите территорий; высокая социальная активность, готовность к добровольному участию в судьбоносных для страны проектах (стимулом выступают ожидания со стороны социального окружения, сформированный образ казака); высокий уровень сплоченности, мобилизационный потенциал как социальной группы. Сегодня традиционные компоненты казачьей жизни приобретают новые форматы, привычные формы деятельности реализуются посредством инновационных технологий.

Казачья экономика

Казачья экономика – часть культурно-укладной самобытности традиционного российского общества, специфика которой закреплена в "витальном типе" казака, сочетающего черты "крестьянина" и "воина", так как на этапе своего становления "обязанности воинского служения казачество приняло как социальный договор с государством, взамен на льготы 'земли и воли'" [Капустина (Артамонова) 2019: 13]. Казачьи общины вели двухфазный образ жизни, когда периоды несения воинской службы чередовались с периодами хозяйственной деятельности, в основе которой – совместное казачье землепользование. Социальные регуляторы распределения земельных наделов

[3] Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы (утверждена 09.08.2020). *Президент России. Официальный сайт*. С. 3. http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKlDz3Q6T4Yw0rXuMNwCd3YaQzZVLrr.pdf (accessed 24.05.2023).

[4] Фалалеев М. Казакам определили стратегию на десять лет. *Российская газета*, 08.12.2020. https://rg.ru/2020/12/08/kazakam-opredelili-strategiiu-na-desiat-let.html (accessed 06.08.2023).

[5] Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона. М.: ВЦИОМ, 2017. https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2017/kazachestvo.pdf (accessed 06.08.2023).

в рамках системы казачьего самоуправления позволяли обеспечивать все казачьи семьи достатком, который был выше достатка среднего обычного русского крестьянина, и использовать доходы на развитие казачьей общины [Киблицкий 2003].

Сегодняшний облик казачьей экономики тесно связан с традициями, которые приобретают новое воплощение благодаря комплексу мер государственной поддержки и инновационным форматам адаптации казачьего социально-экономического уклада к новым практикам. К ключевым субъектам экономической деятельности относятся казачьи организации и индивидуальные предприниматели.

Казачьи общества – результат институционального воспроизводства уклада жизни казачьих общин. По законодательству РФ они имеют право на социально-экономическую деятельность, если внесены в государственный реестр РФ[6] и зарегистрированы как некоммерческие организации (в виде хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских), войсковых казачьих обществ), ориентированные на “возрождение российского казачества, защиту его прав, сохранение традиционных образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества”[7]. На федеральном уровне закреплены обязательства государства о предоставлении земли казачьим обществам для осуществления ими хозяйственной деятельности[8], которая в продолжение традиций стала носить преимущественно аграрный характер. Важно, что доходы, получаемые казачьими обществами от своей экономической деятельности, идут исключительно на уставные цели деятельности организации (поддержку казачьих семей, сохранение культурных традиций и исторического наследия, патриотическое воспитание молодежи и другое). Члены районных казачьих обществ с 2016 г. наделяются земельными участками в размере 300-500 га в облегченном порядке, без прохождения конкурсных торгов. Земельные угодья в распоряжении Кубанского казачьего войска увеличились в два раза. Во избежание случаев ненадлежащего использования земля выделяется только казачьим обществам, а также созданным

[6] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023. Ст. 123.15. Казачье общество, внесенное в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации. *КонсультантПлюс*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c8ded6a0cc959ea36f25328c792ceffdfc1df829/; О государственной службе российского казачества. Федеральный закон от 05.12.2005 № 154-ФЗ (последняя редакция). *КонсультантПлюс*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56842/ (accessed 24.05.2023).

[7] О некоммерческих организациях. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 19.12.2022). Ст. 6.2. Казачьи общества. *КонсультантПлюс*. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/8e21e513670da0d566cdee800922c0f5035102be/ (accessed 24.05.2023).

[8] Об утверждении Положения о порядке формирования целевого земельного фонда для предоставления земель казачьим обществам, включенным в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, и режиме его использования. Постановление Правительства РФ от 8 июня 1996 г. № 667. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102041789 (accessed 24.05.2023). Подзаконный акт утратил силу в связи с принятием Постановления Правительства РФ от 22 октября 2014 г. № 1090 “О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, признании утратившими силу отдельных нормативных правовых актов и отдельных положений нормативных правовых актов Российской Федерации и РСФСР и признании не действующими на территории Российской Федерации отдельных нормативных правовых актов СССР. (В редакции постановлений Правительства Российской Федерации от 04.02.2015 № 100, от 31.12.2015 № 1532, от 25.12.2021 № 2490, от 29.12.2021 № 2533). *Гарант*. https://base.garant.ru/70773014/ (accessed 24.05.2023).

при них фермерским хозяйствам и сельскохозяйственным кооперативам без права передачи в субаренду [Баранов 2018].

Казачьи общества развивают социальную инфраструктуру и человеческий капитал местных сообществ, гармонично интегрируя содержание казачьих традиций в новые доступные и привлекательные для многих пространства, объекты, институты и практики. Последние разнообразны по своему воплощению, но едины в репрезентации содержания. Это объекты социально-культурного назначения и публичные пространства отдыха и досуга, институты непрерывного казачьего образования и военного, спортивного, патриотического воспитания. Атаманы казачьих обществ отмечают, что инновационные форматы экономической деятельности и репрезентации казачьей культуры инициируются и воплощаются в жизнь молодыми казаками, которые владеют широким арсеналом технологий, в том числе цифровых.

Важно отметить, что казачьи общества включены в институциональную систему взаимодействия власти и гражданского общества, что позволяет казакам иметь доступ к ресурсам, в том числе и финансовым, для развития сельских территорий и их сообществ. Например, механизм инициативного бюджетирования, предполагающий подачу заявки инициативной группой граждан на финансирование проекта благоустройства инфраструктурного объекта в органы исполнительной власти субъекта РФ[9], позволил жителям сельского поселения Гулькевичевского района Краснодарского края осуществить реконструкцию набережной в казачьем стиле.

Другим ресурсом для развития социальной инфраструктуры и поддержки гражданских инициатив казачьих обществ стали федеральные и региональные грантовые программы для социально ориентированных НКО (Фонда президентских грантов, Президентского фонда культурных инициатив, грантовых программ Росмолодежи, губернатора Краснодарского края и др.). Поддержка грантовых проектов позволила создать в казачьих сельских поселениях мультимедийные историко-культурные музеи, виртуальные туры по знаковым местам и объектам казачьей территории, сеть детско-юношеских дворовых площадок, специализированных для военно-спортивной подготовки молодого поколения жителей станицы по казачьим традициям и др.

Многие казаки, состоя в казачьем обществе, ведут самостоятельную предпринимательскую деятельность. В отличие от казачьих обществ, предприниматели-казаки нацелены на получение прибыли, использование мер государственной поддержки для организации высокотехнологичного производства в земледелии, животноводстве, в том числе коннозаводстве, ведении рыбного и лесного хозяйства. Особенно заметен вклад предпринимателей-казаков в экономику Кубани. Например, за 11 месяцев 2021 г. 19 казачьих предприятий произвели более 81 тыс. тонн сельхозпродукции[10]. Благодаря активности казаков-предпринимателей стал развиваться туризм – сельский, спортивный, экологический. Базы отдыха в стиле ка-

[9] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях. *Министерство финансов РФ*, 2022. https://archive.minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/09/main/0512_Doklad_2022_V4.pdf (accessed 24.05.2023).

[10] Вон оно как: на Кубани появилась настоящая казачья экономика. *Живая Кубань*, 16.12.2021. https://www.livekuban.ru/ (accessed 24.05.2023).

зачьего уклада жизни совмещают бытовые, обрядовые, гастрономические традиции, а также предложения активного отдыха с конными видами спорта и военно-спортивной подготовкой.

Центры и инфраструктурные пространства для военно-спортивной подготовки и конного спорта становятся местами “притяжения” детей и молодежи. Казаки, ведя личные подсобные хозяйства, приглашают на туры одного дня семьи с детьми, чтобы пообщаться с домашними животными, поучаствовать в сборе овощей и фруктов. Новые казачьи фермерские хозяйства ориентируются на безопасность производимой продукции, сбережение природных ресурсов и привлекательный экологический образ жизни. Зеленые стандарты, совмещающие вековые хозяйственные приемы и инновационные технологии, позиционируются через фермеров-блогеров, создавая тем самым потребительский спрос на традиционные продукты. Казачество достаточно давно стало частью бренда многих территорий его традиционного проживания, на наших глазах оно становится успешным коммерческим брендом.

Идентичность казачества

Казачество являет собой яркий пример сложносоставной идентичности, включающей широкий спектр идентификационных признаков: историко-культурных, этнических, сословных, конфессиональных, территориальных, профессиональных. Феноменологическая природа казачества – одна из самых острых проблем в его историографии: идентичность российских казаков формировалась по особому пути, вбирая социальные (сословные), профессиональные (военная служба), региональные (территориальные), религиозные и этнические характеристики [Куква 2010]. Большинство исследователей социокультурной природы казачества склонны отмечать, в первую очередь, ее двойственность, наличие в ней и этнических, и сословных черт, расходясь в оценке их соотношения.

Итоги исследования, проведенного учеными Ростовского филиала Института социологии РАН, показывают, что на вопрос “Кого можно считать настоящим казаком?”, обращенный к респондентам, доминируют два ответа. В совокупности они отражают существующее в казачестве синкретическое единство примордиального (67,7% выделяют потомственных казаков) и инструменталистского подходов (57,6% полагают достаточным самоощущение), что, как считают авторы, характерно для ситуации археомодерна (существование прошлого в настоящем как органическая черта этносоциальной общности).

Активное движение по возрождению казачества, начавшееся в нашей стране в 1980-е годы, больше схоже с конструированием новой общности – неоказачества[11], так как простое воспроизводство исторических образцов казачьего бытия мало соответствует современным реалиям. Рост самосознания казаков и их объединение в постсоветский период стимулировали распад советского государства, усиление центробежных тенденций в России в 1990-е годы, обострение межнациональных и межгосударственных отношений у ее рубежей, стремление людей включиться в какую-либо устойчивую общность, чтобы

[11] Маркедонов С. Неоказачество на марше. *Политком.ru*, 11.01.2008. www.politcom.ru/5577.html (accessed 24.05.2023).

противостоять нарастающей атомизации общества и защищать свои интересы [Андреев, Панасюк 1993].

Идентичность казачества является инклюзивной, ее потенциал в условиях кризисного и посткризисного развития современного мира крайне востребован. Сообщество готово принять Другого не просто как факт существования, но и как факт сосуществования, а в случае казачества – и сотрудничества, содружества. "Казачество в процессе своего культурогенеза, эволюционируя от монотеистической общности к некоему общероссийскому явлению, включающему в себя представителей разных народов и религиозных конфессий (некоторые казачьи войска к середине XIX в. являли собой многонациональные образования), выработало определенные социальные парадигмы, которые обрели метакультурный характер, выходящие в своих ценностных основаниях за пределы субэтнической и сословной сущности казачества... Культура казачества, выступая передовым фронтом российского геополитического расширения, являла собой яркое проявление парадигмы 'российскости'" [Лукаш, Зуев, Эпоева 2020: 140]. *"Сейчас, при такой миграционной нагрузке, слово 'казак' стало синонимом 'местного', а для приезжих из других регионов уважение казачьих ценностей и, возможно, приобщение к ним – стратегией интеграции в местное сообщество в сельской местности"* (участник ЭС5).

В настоящее время казаком можно считать не только и не столько того, кто имеет "казачьи корни", но прежде всего того, кто принял традиционные ценности казачества и руководствуется ими в жизни. В том числе это люди, принадлежащие к иной, нежели православие, конфессии. Например, забайкальскими казаками считают себя некоторые буряты-буддисты; донскими казаками – отдельные калмыки, также исповедующие буддизм; терскими казаками – некоторые мусульмане, представляющие народы Северного Кавказа [Бакурадзе 2022]. *"Легче, конечно, с верующим человеком построить отношения мне как казаку, с верующим мусульманином, чем с атеистом, потому что у него есть как бы тоже свои заповеди, он их соблюдает"*[12].

Политика идентичности в качестве институциональных основ включает символическую политику и политику памяти, ее субъектами выступают как казачьи организации, так и региональные органы власти и СМИ, органы местного самоуправления. Важнейшим ресурсом формирования идентичности является художественная культура, достаточно вспомнить романы М. Шолохова, К. Седых, А. Первенцева и их экранизации, творчество Кубанского казачьего хора.

Идентичность сообщества формируется в том числе через символический ресурс территории, поддерживаемый символами и образами [Рвачева 2020], через продвижение персоналистских идентификаторов (аэропорт "Платов"[13] в Ростове-на-Дону, станица Зассовская[14] в Краснодарском крае и др.).

[12] Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона. М.: ВЦИОМ, 2017. https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2017/kazachestvo.pdf (accessed 06.08.2023).

[13] М.И. Платов – атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии, который принимал участие во всех войнах Российской империи конца XVIII – начала XIX вв. В 1805 г. основал Новочеркасск, куда перенес столицу Донского казачьего войска.

[14] В честь генерала Г.Х. фон Засса, участника русско-турецкой и кавказской войн, основателя города Армавира.

В современном российском массовом сознании соседствуют противоречивые оценки казачества. Как показало исследование ФОМ[15], самые распространенные ассоциации со словом “казачество” – “бутафория современная”, “ряженые – стыдоба” (7%); “прекрасные люди, я их уважаю” (7%); “защитники и воины”, “типа, армия” (7%). Заметную деятельность казаков в регионах отметили 12% участников опроса (в Южном ФО такой ответ дали 40%). О патрулировании казаками улиц наряду с полицией слышали 59% россиян. 73% опрошенных относятся к этому хорошо, 13% – плохо. На вопрос о том, уважает ли население в регионе казаков, 78% опрошенных ВЦИОМ респондентов дали ответы “да” и “скорее да”, 19% – “скорее нет” и 3% затруднились ответить[16]. Участники проведенных авторами экспертных сессий подчеркивали значительный рост позитивных оценок казачества в период СВО. *“Мы организовывали фокус-групповые интервью в 12 станицах Кубани, и все люди в один голос: ‘Да разве кто-нибудь скажет теперь ‘ряженые’? Казаки первые и на ликвидации последствий ЧС, и на сборе гуманитарки, и поддерживают семьи мобилизованных и добровольцев”* (участник ЭС5).

Ценности казачества и система казачьего образования

Главной ценностью казачества является служение Отечеству, имеющее глубокие исторические, духовные и культурные корни. Духовно-нравственный смысл жизнедеятельности казачества – свободный земледельческий труд, гражданственность, веротерпимость, культурный плюрализм. Сущность казачьей идеи емко выразил Н.М. Мельников, председатель Казачьего союза (Париж) и бывший председатель Донского правительства: “Сущность казачества не в лампасе и не в чубе (есть казачьи войска, не носящие лампасов и чубов), хотя и это все дорого казаку, и не в ‘образе служения’, а в казачьем духе, традициях и навыках, в казачьей психологии свободного человека, независимом характере и чувстве собственного достоинства, в безграничной любви казака к родному краю, в его широкой терпимости, в его предприимчивости, умении защитить свои права – вообще, прежде всего, во внутренних качествах казака. Качества эти не только не отжили свой век... а наоборот, вся Россия, если она снова хочет стать снова Великой... должна – в лучшем смысле – оказачиваться, т.е. проникнуться казачьим духом и провести в жизнь казачьи порядки” [цит. по: Лукаш, Зуев, Эпоева 2020: 123].

Экологические ценности проявляются в бережном отношении к окружающей природе. На бытовом уровне это выражается, в том числе, в неприятии и осуждении некоторых поступков. У донских казаков, к примеру, грехом считается плюнуть в реку. Геральдика казачьих сельских поселений насыщена природными символами. На гербе станицы Рязанской изображение груши – как память о роще груши-дички, спасавшей жителей от голода в годы Великой Отечественной войны, а на гербе станицы Хопёрской – черный индюк, напоминание о том, что именно здесь была выведена порода этой птицы “черная тихорецкая”. На инструментальном уровне эта ценность реализуется как в го-

[15] Казачество. Много ли в России казаков? Какую роль сыграло казачество в истории страны? ФОМ, 15.08.2018. https://fom.ru/Obraz-zhizni/14083 (accessed 24.05.2023).

[16] Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона. М.: ВЦИОМ, 2017. https://profi.wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2017/kazachestvo.pdf (accessed 06.08.2023).

сударственной службе (на конец 2021 г. 4,2 тыс. казаков были задействованы в природоохранных мероприятиях[17]), так и в деятельности природоохранных дружин, особенно привлекательной для казачьей молодежи.

Субъективное жизненное пространство казачества наполнено, по мнению ряда авторов, "ощущением радости от гармоничного восприятия жизненной целостности бытия" [Соколов, Стовба 2019: 58], радости как благодати, исходящей от Бога: вера является одним из самых мощных и чистых источников радости. "Именно в таком качестве и современное казачество интересно для человека массовой культуры, который не хочет стать полностью запрограммированным на 'пустое' потребление готовых продуктов духовного производства... В отличие от потока многочисленных псевдопраздников современной массовой культуры традиция оформляет их как источник подлинно человеческих установок, реализуемых в потоке жизнедеятельности субъектом для самого себя и для другого без внешнего принуждения и тем более без оценивания" [там же: 61]. Передачей радости жизни и гармоничной целостности бытия притягивал зрителей знаменитый фильм И. Пырьева "Кубанские казаки". *"На концерты Кубанского казачьего хора приходят самые разные люди, и эта энергия, это буйство жизни захватывает зрителей буквально с первых минут. Они сами не замечают, как начинают подпевать и притоптывать ногами"* (участник ЭС5).

Традиционные принципы социализации находят отражение в созданной системе казачьего образования и воспитания. Согласно "Концепции государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества", одно из приоритетных направлений его развития – работа с современной молодежью. Система казачьего образования является неотъемлемой частью российского образовательного пространства, связывает его с традициями казачества, соединяет идеи общероссийского патриотического образования и социокультурной адаптации казачества к многообразным вызовам современного развития. Формами казачьего образования, как общего, так и дополнительного, выступают казачьи школы, казачьи классы на базе средних общеобразовательных школ, казачьи кадетские корпуса, казачьи военно-патриотические центры, казачьи лицеи, казачьи молодежные клубы, казачьи конно-спортивные школы и т.д. Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского в 2014 г. получил статус Первого казачьего университета, ряд образовательных организаций среднего профессионального образования также приобрел статус казачьих. Наряду с этим в Кубанском государственном университете создана бакалаврская программа "История и культура казачества", целью которой является подготовка квалифицированных кадров для системы казачьего образования и воспитания[18].

В Краснодарском крае функционирует 3,5 тыс. казачьих классов, 65 казачьих школ и восемь казачьих кадетских корпусов, где обучается 85 тыс. детей

[17] Эко, братцы, эко. Казаков примут на госслужбу для охраны природы. *Коммерсантъ*, 28.12.2021. https://www.kommersant.ru/doc/5153387 (accessed 24.05.2023).

[18] В КубГУ – обучение современным подходам в реализации курсов по истории и культуре казачества. *Официальный сайт Кубанского государственного университета*, 06.10.2022. https://www.kubsu.ru/ru/taxonomy/term/12?page=18 (accessed 24.05.2023).

(13% из всех, кто получает среднее образование). Миссия казачьего образования – трансляция традиционных ценностей, расширение социальной базы казачества, рекрутирование казачьей элиты. *"Среди моих казачат – русские, армяне, адыгейцы, греки, даже индус"* (участник ЭС4). *"Я приехала в казачью школу в Тихорецком районе, идет построение, и я глазам своим не верю – все дети наших корейцев в строю" (участник ЭС4)*. Если поначалу идея создания казачьих классов и школ воспринималась в обществе неоднозначно, то теперь эти образовательные учреждения котируются как престижные, конкурс в казачьи кадетские корпуса составляет четыре-пять человек на место. *"На сегодня это стало очень престижно, а начиналось все очень сложно. Некоторые родители забирали детей – 'не хотим, чтобы учились с 'ряженными'"* (участник ЭС4).

Воспитательную миссию казачьи организации выполняют в том числе и через институт наставников. При этом большинство наставников, насколько смогли понять авторы непосредственно в ходе интервью с руководителями учреждений системы казачьего образования, относятся к своей работе неформально, встречаются с детьми часто – кто практически ежедневно, кто пять-шесть раз в месяц. Вот, к примеру, высказывание, характеризующее эмпатию детей к наставнику: *"Бегут к нему, уважительно называют 'отец', от него видят поддержку и помощь"* (участник ЭС4). Наставники не только участвуют вместе с детьми во всех мероприятиях, но и просто восстанавливают "гендерный баланс" в феминизированной российской школе. Многоуровневая система казачьего образования и воспитания, по мнению педагогов – участников экспертной сессии, заполнила тот институциональный вакуум, который существовал в системе социализации детей и подростков и стимулировал в них ориентацию исключительно на модели потребительского поведения.

Для того чтобы рассказать об истории и традициях казачества современным и понятным молодежи языком, в 2019 г. появилась идея создать мультимедийный музей казачества – Мультмузей. Авторы проекта подготовили шесть тематических VR-роликов (видео в формате виртуальной реальности)[19], погружающих посетителей в исторические события и создающих эффект присутствия. Мультимедийный музей кубанского казачества стал победителем конкурса Президентского фонда культурных инициатив. *"В Союзе казачьей молодежи произошла смена лидеров. Символами прежних были плетка да шашка, а у нынешних – компьютер и цифровые технологии"* (участник ЭС4).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: О НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСАХ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Прямое повторение традиций, сложившихся в предыдущие периоды истории казачества, невозможно, ведет к архаизации. Главное, что, по мнению авторов, может обеспечить преемственность развития казачества как социальной общности, – это следование принципам и ценностям, которые лежат в основе его традиций. Как ни парадоксально это звучит, но одной из главных традиций казачества является инновационность. Казачество складывалось в зоне фронтира, т.е. контактной зоне различных социокультурных практик,

[19] Сплав инноваций и традиций: какими проектами занимаются молодые казаки. *РИА Новости*, 10.10.2021. https://ria.ru/20211010/vrkazaki-1753822969.html (accessed 24.05.2023).

и это сыграло важную роль в формировании его идентичности, привело к тому, что в характере представителей казачества проявлялись черты "фронтирного типа личности": синкретическое видение реальности, нетерпимость к жесткой регламентации и организации жизни, открытость инновациям.

Казачество выступало и определенной общенациональной моделью нациестроительства, вводя народы России в культурно-историческое поле российской цивилизации, выполняя роль своеобразного "плавильного котла". "Подобный посыл весьма значим, поскольку устанавливает историко-социальные связи и объединительные парадигмы, которые могут работать и в настоящее время на целостность российской государственности, на общероссийскую цивилизационную идентичность, на единение россиян" [Лукаш, Зуев, Эпоева 2020: 173]. Казачество продемонстрировало огромной потенциал адаптивности, сумев сохранить свои традиции перед вызовами централизации власти (XVIII в.), революционного развития общества (первая треть XX в.) и глобализации (современный период). Ресурсом развития сельского самоуправления может выступать опыт горизонтального распределения власти в казачьих общинах, активное применение механизмов координации между казаками, навыки действия в ситуациях высокого уровня неопределенности. Атаман Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска Валерий Дедук стал главой муниципального образования город Черкесск. В настоящий момент 25 атаманов районных обществ являются заместителями глав муниципальных образований в Краснодарском крае и два казака – главами районов[20].

Ценности казачества актуализируются не только на когнитивном и эмоциональном, но и на инструментальном уровне, воплощаясь в моделях поведения. Как показывают многочисленные социологические исследования, именно поведенческий уровень является "слабым звеном" для российских социальных и политических практик. К примеру, гражданскую солидарность люди проявляют преимущественно вербально, но на порядок реже – действенно.

В то же время традиция казачества иная – единство слова и дела. Она ярко проявилась в период специальной военной операции. Во время парада 9 мая 2023 г. было объявлено, что ряды Вооруженных сил России пополнили 18 тысяч казаков-добровольцев[21]. Кубанское казачье войско создало три казачьих добровольческих отряда: им. атамана Захария Чепеги (БАРС-1) и два отряда "Кубань" (БАРС-11, БАРС-16), которые затем вошли в казачью бригаду "Кубань"[22]. В Тимашевском районном казачьем обществе создали центр психологической помощи участникам СВО. Поддержку психологов здесь смогут получить не только казаки и военнослужащие, но и их семьи. Ранее подобный центр был открыт в городе Новокубанске[23].

Факторами, усиливающими мотивацию казачества на участие в СВО, являются как выступления представителей органов власти Украины, неприкрыто содержащие псевдоисторические и явно провокационные, безответ-

[20] Официальный сайт Кубанского казачьего войска. http://slavakubani.ru/ (accessed 24.05.2023).

[21] Парад, посвященный Дню Победы. *Первый канал*, 09.05.2023. https://www.1tv.ru/shows/den-pobedy/parady-pobedy/parad-posvyashennyy-dnyu-pobedy-09-05-2023 (accessed 12.06.2023).

[22] Официальный сайт Кубанского казачьего войска. http://slavakubani.ru/ (accessed 24.05.2023).

[23] Там же.

ственные притязания на территории кубанского казачества, оспаривающие его идентичность, так и не менее провокационные заявления некоторых западных государственных деятелей[24]. Важное значение имеет и фактор исторической памяти. Дело в том, что значительные территории, входившие в дореволюционный период в состав Области войска Донского и составлявшие ее западный край, в 1920 г. были переданы Советским правительством в состав УССР. Некоторые территории позднее были возвращены в состав РСФСР, но некоторые – остались в составе Луганской и Донецкой областей УССР, а затем и республики Украина. Тем не менее традиции казачества на этих территориях сохранились, о чем свидетельствует создание здесь к настоящему времени казачьей национальной гвардии, системы казачьего самоуправления и казачьего образования. Казачество остается на этих территориях одним из основных акторов политического процесса в регионе [Бредихин 2018].

Проведенное исследование показало, что потенциал казачества и его субъектная роль раскрываются прежде всего в развитии сельских территорий. Будучи “привязано” к земле как к малой Родине и территории “своего” государства, нуждающегося в защите, казачество становится органической “базисной” составляющей местного сообщества, ориентированного одновременно на сохранение традиций и на инновационное поступательное развитие. Казачество обладает комплексом экономических (казачья экономика и доходы, инвестируемые в развитие социальной инфраструктуры и человеческого капитала), социокультурных (инклюзивная идентичность, ресурсы политики идентичности, система непрерывного казачьего образования и патриотического воспитания) и политических (политическое лидерство, интегрированные в широкую сеть гражданских структур казачьи общества и их социальный/политический капитал) ресурсов. Этот потенциал актуализируется в политике развития территорий через практики, которые приобретают важное значение, преимущественно, в условиях сельских территорий.

К таким практикам относится представительство казачества в органах местного самоуправления сельских муниципальных образований в качестве глав, заместителей глав районов и сельских поселений, депутатов представительных органов власти; включение “точек роста” казачьей экономики в стратегии социально-экономического развития муниципальных образований; интеграция казачества в реализацию мероприятий/проектов по ключевым направлениям развития территорий: наращивание человеческого и кадрового потенциала; развитие социально-экономической инфраструктуры; обеспечения общественного правопорядка и охраны природы; сохранение и совершенствование системы социализации и ресоциализации, основанной на традиционных ценностях казачьей культуры как неотъемлемой части общероссийской.

Город как социальное пространство освоен казачеством фрагментарно, что обусловлено размыванием казачьего сообщества в границах большой территории. Самобытность и традиции казачества используются в большей

[24] Так, министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба на встрече с госсекретарем США Энтони Блинкеном продемонстрировал карту страны, в состав которой входят Кубань и часть Ростовской области. Фотографию карты опубликовал сам Блинкен на своей странице в Twitter 19 января 2022 г. (цит. по: Кубань в составе Украины: госсекретарю США показали “другую” карту страны. https://utyug.info/new/9570/ (accessed 12.06.2023)).

степени для продвижения имиджа города или региона через технологии символической политики и политики памяти. Различные предпринимательские структуры предлагают для типичного массового потребителя товары и услуги, несущие черты традиционной казачьей культуры (казачья кухня, предметы быта, сувениры и др.). Как отмечают эксперты, *“только в городе можно встретить ‘ряженых’ казаков, которые могут совмещать традиционный облик и ‘кепку супермена’”* (участник ЭС1). Казачество в городе, в отличие от сельских территорий, активно использует свои социокультурные ресурсы, которые приобретают формат “символико-культурной надстройки” для местного сообщества, тогда как экономические и политические ресурсы остаются в латентном состоянии.

Содержательным “ядром” привлекательности казачества для российских граждан становятся их традиции, адаптированные к современным реалиям и вызовам, в том числе и за счет инновационных форматов деятельности, что повышает его социальный престиж. “*Казачество открыто для всех... мы готовы включать в наше казачье общество каждого, кто разделяет наши ценности и приоритеты развития... Мы готовы работать и работаем со всеми структурами гражданского общества, главное – чтобы было общее видение решения проблем, приоритетов развития, нацеленность на результат”* (участник ЭС2).

Однако принцип открытости разделяется не всеми руководителями хуторских казачьих обществ. Нередко даже в одном районе, в соседних станицах атаманы высказывают противоположные мнения о возможностях вступления в казачьи общества некоренных казаков: от позиции все “другие” – “чужие”/ “враги” до “все, кто разделяет наши ценности и живет на основе наших традиций, – казаки”. Ориентация на открытость казачьих обществ во многом определяет успешность интеграции казачества в сельское развитие и модели интеграции в казачьи общества представителей местного населения.

Эти модели интеграции и механизмы социализации могут быть разными по своей природе и опираться:

– на импринтинг, подражание и поведенческие традиции, обусловленные происхождением и обеспечивающие первичную социализацию человека, рожденного и воспитанного в казачьей семье, что обуславливает его безусловную включенность в деятельность казачьих сообществ;

– механизм интеграции через опыт “повседневности”, когда представители местных сообществ посредством экономических, культурных, гражданских и бытовых практик осознанно приобщаются к традициям казачества и постепенно “встраиваются” в деятельность казачьих обществ на системной основе или в партнерском сотрудничестве;

– механизм социализирующей системы для детей и молодежи через местные и общегосударственные институты непрерывного образования, когда родители осознанно выбирают модель казачьего воспитания, базирующуюся на традициях, что обеспечивает “сохранность” молодого поколения в условиях глобальных вызовов и рисков, позволяет ему в перспективе раскрыть свой инновационный потенциал в деятельности на благо государства и общества;

– механизм “социальных лифтов”, который формируется прежде всего через казачьи кадетские корпуса и “казачьи сотни” в российских университетах, расположенных в регионах традиционного проживания казачества,

что позволяет представителям молодого поколения успешно выстраивать жизненные траектории в современных российских условиях, интегрироваться в институциональную систему казачества на уровне муниципальных образований и субъектов РФ.

В то же время результаты экспертных сессий показали, что в казачьей среде отсутствуют системные представления о комплексе ресурсов казачества, которые могли бы быть интегрированы в региональную стратегию развития. Актуализация субъектной позиции казачества в развитии российского села воплощается в различных институциональных практиках, бóльшая часть которых находится в пространстве “политики повседневности” и не получает отражения в стратегиях развития территорий. Важным шагом в политике развития сельских территорий является осознание представителями казачьих обществ и политико-административной элиты (локальной, региональной) значимости инклюзивной идентичности казачества как одного из ключевых ресурсов строительства дееспособных местных сообществ, готовых хранить традиции в неустойчивом и турбулентном мире, адаптировать их к новым реалиям и продуцировать на их основе инновации.

Рассматривая конкретный случай казачества, мы ищем ответ на вопрос: могут ли отдельные социальные общности выступать в роли субъектов политики развития, в том числе сельских территорий? Положительный ответ на этот вопрос зависит от выполнения ряда условий. Прежде всего, таким условием является отсутствие тенденции к самоизоляции, демонстрации исключительности и, напротив, открытость другим общностям и институтам. Сохранение традиций обеспечивает преемственность поколений, “времен связующую нить”, а без продвижения инноваций невозможно развитие. Их сочетание и взаимовлияние усиливает конструктивный потенциал социальных субъектов в политическом процессе, выступает источником развития, защитным механизмом в условиях рисков и неопределенности.

DOI: 10.17976/jpps/2023.05.05

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN DEVELOPMENT POLICY OF RURAL TERRITORIES IN RUSSIA: THE POTENTIAL OF COSSACKS

E.V. Morozova[1], I.V. Miroshnichenko[1]

[1] Kuban State University. Krasnodar, Russia

MOROZOVA, Elena Vasilievna, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, email: morozova_e@inbox.ru; **MIROSHNICHENKO, Inna Valerievna,** Dr. Sci. (Polit. Sci.), Head of Public Policy and Public Administration Department, Kuban State University, email: mirinna78@mail.ru

Morozova, E.V., & Miroshnichenko, I.V. (2023) Traditions and innovations in development policy of rural territories in Russia: the potential of Cossacks. *Polis. Political Studies*, 5, 66-87. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.05.05

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation and KNF within the framework of the 2021 competition “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional competition), project No. 22-18-20059 “Policy for the development of rural areas of the Krasnodar Territory: the potential of intangible resources”.

Received: 25.05.2023. Accepted: 27.06.2023

Abstract. This article explores the mutual influence of tradition and innovation in the successful development of rural areas. Based on a case-study of the Cossacks, the authors consider how traditions

are successfully adapted to the realities of modernity and how the economic, social, political and symbolic capital of the Cossacks was built on this basis. The research methodology is based on the concept of responsible development, the principles of political subjectivity of social groups, and the model of a complex identity. The empirical part of the study relied on the analysis of official documents, data from leading sociological centers, materials of expert sessions held by the authors. After studying the practices of the Cossack economy and Cossack education, the authors identified mechanisms for successfully adapting traditions to modernity and producing innovations. The Cossacks were formed in the frontier zone, always in contact with various socio-cultural practices, and this played a huge role in shaping their identity and maintaining openness to innovation. The values of the Cossacks are actualized not only at the cognitive and emotional levels, but also at the instrumental level, embodied in behavior patterns. The meaningful "core" of the attractiveness of the Cossacks for Russian citizens is their traditions, adapted to modern realities and challenges. The inclusive identity of the Cossacks is one of the key resources for building capable local communities and it represents a significant intangible resource for the development of rural areas. The combination of tradition and innovation enhances the constructive potential of social actors, acts not only as a development factor, but also as a protective mechanism in the face of risks and uncertainty.

Keywords: development policy, traditions, innovations, rural areas, Cossacks, identity, inclusive identity.

References

Bock, B.B. (2016). Rural marginalisation and the role of social innovation; a turn towards nexogenous development and rural reconnection. *Sociologia Ruralis*, 56(4), 552-573. https://doi.org/10.1111/soru.12119

Cloke, P., Marsden, T., & Mooney, P. (Ed.). (2006). Handbook of rural studies. London: Sage.

de Amorim, W.S., & de Andrade J.B.S.O. (2020). Pandemics, global risks and adaptation: challenges for a changing world. *Research in Globalization*, 2, 100023. https://doi.org/10.1016/j.resglo.2020.100023

Duit A. (2016). Resilience thinking: lessons for public administration. *Public Administration*, 94(2), 364-380. https://doi.org/10.1111/padm.12182

Halfacree, K.H. (1993). Locality and social representation: space, discourse and alternative definitions of the rural. *Journal of Rural Studies*, 9(1), 23-37. https://doi.org/10.1016/0743-0167(93)90003-3

Hawley, L.R., Koziol, N.A., Bovaird, J., McCormick, C.M., Welch, G.W., Arthur, A.M., & Bash, K. (2016). Defining and Describing Rural: Implications for Rural Special Education Research and Policy. *Rural Special Education Quarterly*, 35(3), 3-11.

Kumpulainen, K. (2019). How do community development activities affect the construction of rural places? A case study from Finland. *Sociologia Ruralis*, 59(2), 294-313. http://dx.doi.org/10.1111/soru.12234

Lundgren, A.S., & Johansson, A. (2017). Digital rurality: producing the countryside in online struggles for rural survival. *Journal of Rural Studies*, 51(1), 73-82. https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2017.02.001

Ray, C. (2001). Culture economies: a perspective on local rural development in Europe. Newcastle upon Tyne: Centre for Rural Economy, Dept. of Agricultural Economics and Food Marketing.

Svendsen, G.L.H. (2004). The right to development: construction of a non-agriculturalist discourse of rurality in Denmark. *Journal of Rural Studies*, 20(1), 79-94. https://doi.org/10.1016/S0743-0167(03)00045-7

Andreev, A.P., & Panasyuk, Ye.V. (1993). The cossacks movement. *Polis. Political Studies*, 3, 57-61. (In Russ.)

Bakuradze, A.B. (2022). The content and structure of the values of the Cossacks: values-goals, values-means and value orientations. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2, 61-69. (In Russ.) https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-2-61-69

Bakuradze, A.B., Komarov, A.P., & Pohilyuk, A.V. (2022). Patriotism and Orthodoxy as Values of the Cossacks. *Vestnik Tver State University. Series: Philosophy*, 1, 94-102. (In Russ.) https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.1.094

Baranov, A.V. (2018). The role of the Kuban Cossacks in the ethnopolitical and geopolitical processes in the Krasnodar Region. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 82-83. (In Russ.)

Bardin, A.L., & Sigachev, M.I. (2019). Discourses of development: social and humanitarian aspects. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, 4, 24-41. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/afij-2019-4-24-41

Bredikhin, A.V. (2016). Frontier culture of the Don region (social historical aspect). *Culture: Management, Economics, Law*, 3, 13-17. (In Russ.)

Bredikhin, A.V. (2018). Kuban question by the Ukrainian authorities. *Post-Soviet Studies*, 3, 269-273. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00040

Bugay, N.F. (2019). The Russian Cossacks and the problem of identity with the question: who are we? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 24(4), 148-163. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.13

Ferguson, N. (2016). The great degeneration. How institutions decay and economies die. (Russ. ed.: Ferguson, N. Velikoe vyrozhdenie. Kak razrushajutsja instituty i gibnut gosudarstva. Moscow: AST, Corpus).

Kapustina (Artamonova), M.G. (2018). Cossacks as a socio-managerial phenomenon. *The Cossacks,* 34, 70-79. (In Russ.)

Kapustina (Artamonova), M.G. (2019). Social and economic aspects of the Cossack style of life. *Socio-Economic Phenomena and Processes*, 14(105), 13-20. (In Russ.) https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-105-13-20

Khagurov, A.A. (2012). Sociologija rossijskogo sela [Sociology of the russian village]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Kiblitsky, A.A. (2003). Politicheskaja samoidentifikacija donskogo kazachestva: tehnologicheskij aspekt [Political Self-Identification of the Don Cossacks: Technological Aspect]. Abstract of The Dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences'. Rostov on Don: Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (In Russ.)

Komarov, A.P. (2018). Social and philosophical analysis of the values of modern Russian Cossacks. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 1, 58-67. (In Russ.) https://doi.org/10.18384/2310-7227-2018-1-58-67

Kukva, E.S. (2010). The ethno-cultural identity of the Cossacks of Russia. *Questions of Cossack History and Culture*, 5, 28-33. (In Russ.)

Lukash, S.N. (2014). Kazachestvo Juga Rossii: ot tradicij k innovacijam [Cossacks of the South of Russia: from tradition to innovation]. Armavir: RIO AGPA. (In Russ.)

Lukash, S.N., Zuev, V.A., & Epoeva, K.V. (2020). Rossijskaja identichnost': sozidatel'nyj potencial kul'tury kazachestva [Russian Identity: Creative Potential Culture of the Cossacks]. Armavir: RIO AGPA. (In Russ.)

Lyska, A.G. (2013). Concept of local community constructing in international academic writing. *Sociological Studies*, 7, 99-104. (In Russ.)

Matveev, O.V. (2003). Model' istoricheskoj kartiny mira kubanskogo kazachestva [Model of the historical picture of the world of the Kuban Cossacks]. Krasnodar: Kubankino. (In Russ.)

Melnikova, E.A. (2020). The biographies of urban-rural move and the rhetoric of self-transformation in present-day Russia. *Ethnographic Review*, 6, 88-105. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S086954150013123-5

Miroshnichenko, I.V. (2006). Politicheskaja kul'tura social'no-professional'nyh grupp [Political culture of socio-professional groups]. Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.)

Miroshnichenko, I.V., & Morozova, E.V. (2022). Public policy as a space for converting intangible resources into factors of territorial development. *Political Science (RU),* 3, 144-163. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.07

Morozova, E.V. (2017). Slozhnosostavnaja identichnost' [Composite identity]. In *Identichnost'. Lichnost'. Obshhestvo. Politika. Jenciklopedicheskoe izdanie* [Identity. Personality. Society. Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 325-334). Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Morozova, E.V., Miroshnichenko, I.V., & Semenenko, I.S. (2020). Identity policies in rural local community development in Russia. *Polis. Political Studies*, 3, 56-77. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05

Pantin, V.I. (2018). Political development and development policy: trends, challenges, prospects. *History and Modernity*, 3, 32-50. (In Russ.) https://doi.org/10.30884/iis/2018.03.02

Rvacheva, O.V. (2020). "Native land": the territory factor in the Don Cossacks development. Historical, political, social and cultural facets. *The New Past*, 4, 130-143. (In Russ.) https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-130-143

Rvacheva, O.V. (2015). Social memory of Cossack descendants: representation of events and images. *Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 5, 318-323. (In Russ.)

Rvacheva, O.V. (2019). The attempt of the Cossack revival in the social and political system of Russia in the 20th and early 21st centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya,* 24(4), 173-190. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15

Semenenko, I.S. (2019a). Horizons of responsible development: from discourse to governance. *Polis. Political Studies*, 3, 7-26. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02

Semenenko, I.S. (2019b). The rural local community in development policies in Europe: discourse and agency. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20(3), 6-27. (In Russ.) https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-6-27

Semenenko, I.S. (2021). Rethinking development in social sciences: on the threshold of an ethical turn. *Polis. Political Studies*, 2, 25-45. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03

Semenenko, I.S., & Khainatskaya, T.I. (2022). Well-being discourses in an environment of "unsustainable development": bridging the past and the future. *Social Sciences and Modernity*, 5, 76-99. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S0869049922050045

Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (Ed.). (2014). Political change in a global world: theoretical and methodological problems of analysis and forecasting. Moscow: IMEMO RAS. (In Russ.)

Skorik, A.P., Bondarev, V.A., & Matishov, G.G. (2022). Cossacks of the South of Russia in the Soviet era: problems and prospects of scientific research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya,* 27(5), 219-236. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.17

Sokolov, V.M., & Stovba, A.V. (2019). Philosophy of joy in everyday culture of the Cossacks. *The Humanities and Social Sciences*, 4, 58-65. (In Russ.) https://doi.org/10.23683/2070-1403-2019-75-4-58-65

Volkov, Yu.G. (Ed.). (2011). Kazachestvo kak jetnosocial'nyj fenomen sovremennoj Rossii (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovanija kazachestva Dona) [Cossacks as an ethnosocial phenomenon of modern Russia (based on the results of a sociological study of the Don Cossacks)]. Rostov-on-Don: Antey. (In Russ.)

Volkov, A.P., & Soklakov, A.Yu. (2018). Patriotism in the history of Russia and the Cossacks: some aspects. *Bulletin of the Catherine Institute*, 1, 65-74. (In Russ.)

Yurchenko, I.Yu., & Arnold, R. (2020). Cossacks in history and historiography: new topics, approaches, and methods to the study of Cossacks at the round table in SFEDU. *The New Past*, 4, 308-313. (In Russ.) https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-308-313

Литература на русском языке

Андреев А.П., Панасюк Е.В. 1993. Казачье движение. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 57-61.

Бакурадзе А.Б. 2022. Содержание и структура ценностей казачества: ценности-цели, ценности-средства и ценностные ориентации. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. № 2. С. 61-69. https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-2-61-69. EDN: YIZOOK.

Бакурадзе А.Б., Комаров А.П., Похилюк А.В. 2022. Патриотизм и православие как ценности казачества. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. № 1. С. 94-102. https://doi.org/10.26456/vtphilos/2022.1.094. EDN: KCGHZX.

Баранов А.В. 2018. Роль кубанского казачества в этнополитических и геополитических процессах в Краснодарском крае. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. № 3. С. 82-83. EDN: YSGBLN.

Бардин А.Л., Сигачев М.А. 2019. Дискурсы развития: социально-гуманитарный аспекты. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 4. С. 24-41. https://doi.org/10.20542/afij-2019-4-24-41. EDN: CDMZDH.

Бредихин А.В. 2016. Фронтирная культура Донского края (социально-исторический аспект). *Культура: управление, экономика, право*. № 3. С. 13-17. EDN: WWCUOT.

Бредихин А.В. 2018. Кубанский вопрос украинских властей. *Постсоветские исследования*. Т. 1. № 3. С. 269-273. https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00040. EDN: XRPPSP.

Бугай Н.Ф. 2019. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 24. № 4. С. 148-163. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.13. EDN: TOVTNU.

Волков А.П., Соклаков А.Ю. 2018. Патриотизм в истории России и казачества: некоторые аспекты. *Вестник Екатерининского института*. № 1. С. 65-74. EDN: XQWBKX.

Казачество как этносоциальный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона). 2011. Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов-на-Дону: Антей. EDN: QPUXJL.

Капустина (Артамонова) М.Г. 2018. Казачество как социально-управленческий феномен. *Казачество*. № 34. С. 70-79. EDN: VWAINM.

Капустина (Артамонова) М.Г. 2019. Социально-экономические аспекты казачьего уклада жизни. *Социально-экономические явления и процессы*. Т. 14. № 105. С. 13-20. https://doi.org/10.20310/1819-8813-2019-14-105-13-20. EDN: KHNHFO.

Киблицкий А.А. 2003. Политическая самоидентификация донского казачества: технологический аспект. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. Ростов на Дону: Рост. юрид. ин-т МВД РФ.

Комаров А.П. 2018. Социально-философский анализ ценностей современного российского казачества. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. № 1. С. 58-67. https://doi.org/10.18384/2310-7227-2018-1-58-67. EDN: YRYYFL.

Куква Е.С. 2010. Этнокультурная идентичность казачества России. *Вопросы казачьей истории и культуры*. Вып 5. Майкоп: ООО “Качество”. С. 28-33.

Лукаш С.Н. 2014. Казачество Юга России: от традиций к инновациям. Армавир: РИО АГПУ. EDN: YYWDIX.

Лукаш С.Н., Зуев В.А., Эпоева К.В. 2020. Российская идентичность: созидательный потенциал культуры казачества. Армавир: РИО АГПУ. EDN: RQJFCP.

Лыска А.Г. 2013. Концепция строительства местного сообщества в работах зарубежных ученых. *Социологические исследования*. № 7. С. 99-104. EDN: QZLAJN.

Матвеев О.В. 2003. Модель исторической картины мира кубанского казачества. Краснодар: Кубанькино. EDN: QOTXQV.

Мельникова Е.А. 2020. Биографии переезда из города в деревню и риторика самотрансформации в современной России. *Этнографическое обозрение*. № 6. С. 88-105. https://doi.org/10.31857/S086954150013123-5. EDN: LBFTPK.

Мирошниченко И.В. 2006. Политическая культура социально-профессиональных групп. Под ред. Е.В. Морозовой. Краснодар: Кубанский государственный университет. EDN: QOKKLX.

Мирошниченко И.В., Морозова Е.В. 2022. Публичная политика как пространство конвертации нематериальных ресурсов в факторы развития территорий. *Политическая наука*. № 3. С. 144-163. https://doi.org/10.31249/poln/2022.03.07. EDN: TBHZVT.

Морозова Е.В. 2017. Сложносоставная идентичность. *Идентичность. Личность. Общество. Политика. Энциклопедическое издание*. М.: Весь Мир. С. 325-334.

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Семененко И.С. 2020. Развитие сельских местных сообществ: потенциал политики идентичности. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 56-77. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.05. EDN: OEGKSH.

Пантин В.И. 2018. Политическое развитие и политика развития: тенденции, вызовы, перспективы. *История и современность*. № 3. С. 32-50. https://doi.org/10.30884/iis/2018.03.02. EDN: YMMGXZ.

Политические изменения в глобальном мире: теоретико-методологические проблемы анализа и прогнозирования. 2014. Под ред. И.С. Семененко, В.В. Лапкина, В.И. Пантина. М.: ИМЭМО РАН. EDN: THMGKZ.

Рвачева О.В. 2015. Социальная память потомков казаков: репрезентация событий и образов. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. № 5. С. 318-323. EDN: UMNEJV.

Рвачева О.В. 2019. Опыт возрождения казачества в социально-политической системе Российского государства в XX – начале XXI века. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 24. № 4. С. 173-190. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.4.15. EDN: YECUAE.

Рвачева О.В. 2020. “Своя земля”: фактор территории в развитии донского казачества. Исторические, политические и социокультурные аспекты. *Новое прошлое*. № 4. С. 130-143. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-130-143

Семененко И.С. 2019a. Горизонты ответственного развития: от научного дискурса к политическому управлению. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 7-26. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.02. EDN: WCZPDF.

Семененко И.С. 2019b. Сельское местное сообщество в фокусе политики развития: научный дискурс и европейские политические реалии. *Южно-российский журнал социальных наук*. Т. 20. № 3. С. 6-27. https://doi.org/10.31429/26190567-20-3-6-27. EDN: GANCLH.

Семененко И.С. 2021. Дискурсы развития в социальных науках: в преддверии этического поворота. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 25-45. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.03. EDN: LCWSXT.

Семененко И.С., Хайнацкая Т.И. 2022. Дискурсы о благополучии и реальности “неустойчивого развития”: между прошлым и будущим. *Общественные науки и современность*. № 5. С. 76-99. https://doi.org/10.31857/S0869049922050045. EDN: EZXYEY.

Скорик А.П., Бондарев В.А., Матишов Г.Г. 2022. Казачество Юга России в советскую эпоху: проблемы и перспективы научного исследования. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. Т. 27. № 5. С. 219-236. https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.17. EDN: ZSODTW.

Соколов В.М, Стовба А.В. 2019. Философия радости в повседневной культуре казачества. *Гуманитарные и социальные науки*. № 4. С. 58-65. https://doi.org/10.23683/2070-1403-2019-75-4-58-65. EDN: VTYXNH.

Фергюсон Н. 2016. Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства. М.: АСТ, Corpus.

Хагуров А.А. 2012. Социология российского села. М.: Ин-т социологии РАН.

Юрченко И.Ю., Арнольд Р. 2020. Казачество в истории и историографии: новые сюжеты, подходы и методы изучения казаков на круглом столе в ЮФУ. *Новое прошлое*. № 4. С. 308-313. https://doi.org/10.18522/2500-3224-2020-4-308-313. EDN: TFSEOX.